

А.Ф.ЛОСЕВ

НИКОЛАЙ
КУЗАНСКИЙ

в переводах
и комментариях

Том II

Издательский Дом ЯСК
Москва 2016

УДК 1/14

ББК 87.3

Л 79

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 16-03-16024

Лосев А. Ф.

Л 79 Николай Кузанский в переводах и комментариях: В 2 т. Т. 2 / Отв. ред., сост., вступит. статья, подгот. текста, коммент. Е. А. Тахо-Годи. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. — 520 с. — (Вклейка после с. 256.)

ISBN 978-5-9907947-2-6

В настоящем томе впервые собраны тексты русского мыслителя А. Ф. Лосева (1893—1988), посвященные творчеству немецкого философа Николая Кузанского (1401—1464). Долгие годы считались утраченными лосевские комментарии 1930-х годов к собственным переводам Николая Кузанского на русский язык, как и посвященные Кузанцу лосевские работы 1920-х годов. Однако за последнее десятилетие в лосевском архиве удалось выявить и восстановить зачастую по фрагментам целый ряд прежде неизвестных текстов разного значения и объема — и тезисных набросков, и развернутых и подробных разборов. В сфере лосевского внимания целый спектр проблем — и философских, и эстетических, и богословских, и математических, а также чисто переводческих. Эти возвращенные из небытия тексты 1920—1930-х годов, однако, должны рассматриваться в целостном контексте лосевского интереса к неоплатонической традиции, к средневековой философии и процессу зарождения новоевропейской мысли. Вот почему в данный том включены и более поздние тексты (1960—1970-х годов), прямо или косвенно связанные с проблематикой, разрабатываемой А. Ф. Лосевым в ранних работах о Николае Кузанском. Эта своего рода антология всего, что А. Ф. Лосев когда-либо писал о Николае Кузанском или о его философской системе и эпохе, должна стать отправной точкой для исследователей, желающих разобраться в специфике восприятия русской мыслью XX столетия западноевропейской философской традиции.

Книга предназначена для исследователей русской и западноевропейской философии, а также для круга читателей, интересующихся историей философской мысли, богословием и проблемами междисциплинарных исследований.

Работа над томом велась в ходе поддержанных РГНФ грантов, в том числе в рамках проекта №11-03-00408а и № 14-03-00376а.

УДК 1/14

ББК 87.3

© А. Ф. Лосев, наследники, 2016

© Е.А. Тахо-Годи, отв. ред., сост., вступит. ст.,
подгот. текста, коммент., 2016

© В. В. Библихин, примечания, наследники, 2016

© Издательский Дом ЯСК, 2016

Содержание

Том 2

I. Переводы

Переводы в редакции 1920-х годов

ТЕТРАЛОГ О НЕИНОМ	9
ПОЛОЖЕНИЕ ТОГО ЖЕ ДОСТОПОЧТЕННОГО О. КАРДИНАЛА НИКОЛАЯ О ЗНАЧЕНИИ НЕИНОГО	55

Переводы в печатной редакции 1937 года

ОБ УМЕ	59
О НЕИНОМ	104
О БЫТИИ-ВОЗМОЖНОСТИ	151

Переводы в печатной редакции 1979—1980-х годов

ПРОСТЕЦ ОБ УМЕ (IDIOTA DE MENTE)	183
О ВОЗМОЖНОСТИ-БЫТИИ	226
О НЕИНОМ	257

II. Из работ 1920—1930-х годов

ИСТОРИЯ ЭСТЕТИКИ [ФРАГМЕНТ «НЕО-ПЛАТОНИЗМ, ИЗЛОЖЕННЫЙ ЯСНО, КАК СОЛНЦЕ»]	305
САМОЕ САМО [ФРАГМЕНТ]	322
III. ИЗ ИСТОРИИ УЧЕНИЯ О САМОСТИ	322
8. Несколько примеров из истории мысли	322
[1. Введение в тему	322
2. Древнеиндийский Брама-Атман и Нирвана индусов	323
3. Единое неоплатоников	325

4. Самое Ничто Дионисия Ареопагита	326
5. Неиное Николая Кузанского	329
6. Первооснова Мейстера Экгарта	331
7. Я и Абсолютное Фихте	334
8. Тожество и Абсолютное Шеллинга.....	337
9. Не-нечто средневековых каббалистов]	341
9. Заключение	342

III. Из работ 1960—1970-х годов

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ДИАЛЕКТИКА	355
§1. ЗАПАДНАЯ КОНСТРУКТИВНО-ЯЗЫКОВАЯ ДИАЛЕКТИКА VI—XI ВВ.	355
1. Античные корни	355
2. Переход от античности к средневековью.....	357
3. Алкуин	360
4. Содержание диалектики Алкуина.....	360
5. Общий характер диалектики Алкуина	363
6. Рабан Мавр (776/784—856)	364
7. Восходящая схоластика VIII—XI вв.	365
8. Переход к номинализму	366
9. Пути развития средневековой диалектики	368
§2. ВИЗАНТИЙСКАЯ, В ЧАСТНОСТИ ГИПОТЕТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА XI—XII ВВ.	369
1. Иоанн Дамаскин	369
2. Михаил Пселл.....	371
3. Западные подражатели и продолжатели Михаила Пселла	376
§3. ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ НА ОСНОВЕ ПРОТИВОРЕЧИВЫХ ОНТОЛОГИЙ	377
1. Источники номиналистической диалектики	378
2. Иоанн Скот Эригена (800/805—872/875).....	378
3. Абеляр	381
§4. РАСЦВЕТ И РАЗЛОЖЕНИЕ НОМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ	390
1. Вступительные замечания	390
2. Вильгельм Дуранд и Петр Авреолий.....	392
3. Оккам	399
4. Буридан	405

НИКОЛАЙ КУЗАНСКИЙ [ЧЕРНОВАЯ РЕДАКЦИЯ СТАТЬИ для «БОЛЬШОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ»]	408
ЭСТЕТИКА ВОЗРОЖДЕНИЯ. [ФРАГМЕНТ РАЗДЕЛА] ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ВЫСОКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ.....	411
Глава первая. Николай Кузанский (1401—1464)	412
Глава вторая. Платоновская академия во Флоренции.....	431
КОММЕНТАРИИ.....	435

НИКОЛАЙ КУЗАНСКИЙ

**ИЗБРАННЫЕ
ФИЛОСОФСКИЕ
СОЧИНЕНИЯ**

ОБ УЧЕНОМ
НЕЗНАНИИ

ОБ УМЕ

О НЕИНОМ

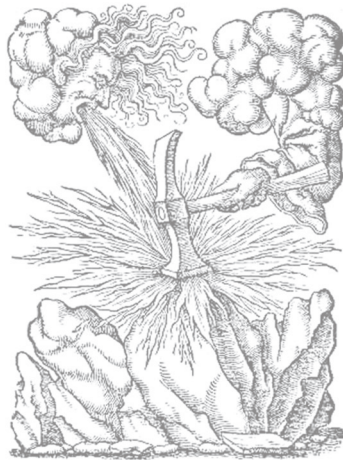
О БЫТИИ

ВОЗМОЖНОСТИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1937

I
ПЕРЕВОДЫ

D. NICOLAI
DE CVSA, CARDI-
nalis, vtriusque Iuris Doctoris, in
omniq̃ue Philosophia incompara-
bilis viri

O P E R A.
B A S I L E Æ
EX OFFICINA HENRICPE-
TRINA.

ПЕРЕВОДЫ В РЕДАКЦИИ 1920-х ГОДОВ

ТЕТРАЛОГ О НЕИНОМ ^[1]

І. Вступление. Определение есть определение себя самого или определение Неинное не определяется иным, но определяет себя и всё иное.

Аббат. Ты знаешь, что мы втроем, отдаваясь науке и допускаемые к беседе с тобою, занимаемся изучением древних: я — «Парменидом» и комментарием Прокла, Петр — «Богословием Платона» того же Прокла, которое он перевел с греческого на латынь, Фердинанд же тщательно проходит отрицательное учение Аристотеля. Ты же в свободное время погружаешься в изучение богослова Дионисия Ареопагита. Мы были бы рады услышать, не нашел ли ты способ более сжатого и ясного понимания того, чем уже занимались выше названные.

Николай. Везде мы находимся вокруг глубоких тайн; и никто, думаю, не сказал бы о них короче и доступнее тех, кого мы часто читаем, хотя и кажется мне иной раз, что нами часто упускается то, что ближе всего вело бы нас к искомому.

Петр. Мы очень просим открыть нам это.

Фердинанд. Да, мы все подвергаемся действию истины, потому что, зная, что ее можно найти повсюду, мы и хотим иметь такого учителя, который поставил бы ее пред очами нашего ума. Ты же показываешь себя неутомимым в этом, даже и на склоне дней твоих и, когда ты, в возбуждении, начинаешь о ней говорить, — ты кажешься помолодевшим. Поэтому выскажи то, о чем ты сам размышлял прежде нас.

Николай. Я буду говорить и с тобою, Фердинанд, у меня будет беседа при том условии, чтобы ты отбросил, как легкомысленное, все, что от меня услышишь, если не будешь принужден к нему рассудком.

Фердинанд. Так учили поступать философы, мои наставники.

Николай. Итак, прежде всего, я спрашиваю тебя: *что есть то, что прежде всего делает нас знающими.*

Фердинанд. *Определение.*

[¹ В машинописи: НЕ-ИНОЕ. — Е. Т.-Г.].

Николай. Правильно отвечаешь. Ведь речь или рассуждение (*ratio*) есть определение. Но откуда определение носит такое название.

Фердинанд. От подлежащего определению, ибо оно определяет всё.

Николай. Совершенно правильно. Значит, если определение определяет всё, то, следовательно, оно определяет и *самого себя*.

Фердинанд. Непременно, раз оно не исключает ничего.

Николай. Ты видишь, следовательно, что *определение, которое определяет всё, есть не что иное, как определенное*.

Фердинанд. Вижу, раз определение относится к самому себе. Но я не вижу, *каково оно*.

Николай. Я его показал тебе самым ясным образом. Это и есть то, чем мы, сказал я, пренебрегаем, в пылу охоты не радея об искомом.

Фердинанд. Когда показал?

Николай. Я показал уже в тот миг, когда сказал, что определение, которое всё определяет, есть *не иное* что, как определенное.

Фердинанд. Я тебя еще не понимаю.

Николай. Немногое, сказанное мною, где ты найдешь *Неиное*, расследуется легко. А именно, если ты со всем тщанием обратишь острие ума на Неиное, ты вместе со мною увидишь *самое определение, которое определяет себя и всё*.

Фердинанд. Научи нас, как это происходит, ибо велико то, что ты утверждаешь, и еще неубедительно.

Николай. Тогда отвечай мне: *что такое Неиное* <?> Есть ли оно иное, чем [Н]еиное.

Фердинанд. Никоим образом не есть иное.

Николай. Следовательно, оно есть Неиное.

Фердинанд. Да, это так.

Николай. Определи же *Неиное*.

Фердинанд. Я вполне хорошо вижу, каким образом Неиное не есть иное, чем Неиное. И этого никто не станет отрицать.

Николай. Правильно говоришь. Но неужели ты и теперь не видишь с совершенной достоверностью, что *Неиное определяет себя самого*, раз оно не может быть определено через иное.

Фердинанд. Конечно, я вижу это. Но неизвестно еще, что оно определяет *всё*.

Николай. Нет ничего легче узнать это. Действительно, что бы ответил, если кто-либо спросит тебя: что такое иное <?> Не скажешь ли ты, что оно не что иное, как [именно] ИНОЕ? Например, если вопрос о небе, то не ответишь ли, что оно есть не что иное, как небо.

Фердинанд. Конечно, я мог бы ответить так на всё, о чем потребуется от меня определение.

Николай. Тогда, раз не остается никакого сомнения в том, что способ определения, которым Неиное определяет себя и всё, является самым точным и самым истинным, то следует только внимательно остановиться на нем и найти то, что тут может познать человек.

Фердинанд. Ты говоришь и обещаешь удивительное. Однако я желал бы, прежде всего, услышать, не высказал ли явно кто-либо этого из созерцательной области.

Николай. Хотя я никого не читал, но, по-видимому, раньше других Дионисий подошел к этому ближе. Ибо во всем, что он столь разное выражает, он освещает [именно] Неиное. Когда он подходит к концу «Таинственного Богословия», он утверждает, что Творец не есть <ни> что-либо именуемое, ни что-либо *иное*. Он, однако, говорит это так, что не кажется разглашающим в этом случае нечто великое, хотя для внимательного <читателя, желающего> познать тайну Неиное выразил, всесторонне раскрывши его, при помощи других приемов.*

II. «Неиное» наилучше выражает всякие вещи, прежде всего, оно — наилучшее выражение невыразимого имени Божия.

Фердинанд. Так как все называют *первое начало* (*primum principium*) Богом, то ты, по-видимому, хочешь обозначить его через Неиное. В самом деле, надлежит показать это первое, которое определяет и себя самого, и всё. Ибо, поскольку ничего не существует раньше первого и оно отрешено от всего последующего, постольку само оно определяется во всяком случае *только через самого себя*. А так как то, что определено началом, ничего не имеет от себя, но всё, что есть, имеет от начала, то, конечно, начало есть смысл (*ratio*) или определение его бытия.

Николай. Хорошо понимаешь меня, Фердинанд. Ведь хотя первому началу и свойственны многие имена, из которых ни одно не может <быть> уравнено с ним, — так как оно есть начало всех имен (как и вещей), и ничто из определенного началом не предшествует всему, — однако, путем одного способа обозначения оно усматривается острием ума точнее, чем посредством другого. Я не узнал ничего такого, что, как обозначенное, лучше бы [чем указанное определение начала] направляло и до сего времени человеческое видение на первое. Ибо всё обозначенное либо определяется в отношении чего-либо иного, либо в отношении самого по себе. Поэтому всё иное, существующее *от* самого Неиного, во всяком случае не ведет к началу.

Фердинанд. Вижу, что ты правильно говоришь об этих делах, ибо иное не может быть границей видения и началом видящего, потому что *иное*, поскольку оно есть не что иное, как иное, во всяком случае *предполагает Неиное, без которого оно не было бы иным*. Итак, всякое обозначенное, отличное от обозначения самого Неиного, определяется в *ином* в сравнении с началом. Это я усматриваю с полной достоверностью.

Николай. Прекрасно, поскольку, однако, свое видение мы не можем показать друг другу иначе как только путем словесного обозначения, постольку во всяком случае не представляется более точного обозначения, чем Неиное, хотя оно и не есть Имя Божие, которое именуемо прежде всякого имени на небесах или на земле,

*[В предложении явный пропуск слов. — Е. Т.-Г.].

подобно тому, как дорога, указывающая путнику направление в страну, не есть название самой страны.

Фердинанд. Это так, как ты утверждаешь, и я это ясно усматриваю, когда вижу, что Бог есть *не иное* что, как Бог, и нечто *не иное* что, как нечто; и ничто — *не иное* что, как ничто; и не-сущее — *не иное* что, как не-сущее. И это относится ко всему, что может быть каким-либо образом высказано. Я вижу поэтому, что Неиное предшествует всему такому, так как [именно] оно его определяет, а само иное существует потому, что ему предшествует Неиное.

Николай. Нравится мне быстрота и живость твоего ума, ибо хорошо и быстро схватываешь ты то, что мне хочется. Итак, ты ясно видишь отсюда, что знак Неиного существует не для того только, чтобы служить нам путем к Началу, но что оно *ближе изображает* невыразимое Имя Божие, чтобы в нем, как бы в более драгоценном и таинственном (<aenigmate>) образе, оно [Имя Божие] сияет ищущим его.

III. Свет Неиного постижим только на ином.

Фердинанд. Хотя и кажется тебе, что посредством «неиного» ты усматриваешь принцип бытия и знания, — однако, если ты не покажешь мне *его самого* яснее, я не уразумею этого.

Николай. Богословы говорят, что Бог более ясно является нам в образе (<aenigmate>) *света*, ибо к умопостигаемому мы восходим через чувственное. Конечно, свет тот, который есть Бог, существует прежде иного, каким бы то ни было образом именуемого света, просто прежде [самого] *иного*. А то, что усматривается прежде иного, не есть иное. Следовательно, этот свет, поскольку он есть само Неиное и не есть свет именуемый, светит в чувственном свете. Но чувственный свет, являющийся чувственному взору, некоторым образом так воспринимается, как свет Неиного — все<ми>, кто может видеть умом. Именно, мы не пытаемся увидеть чувственный образ без чувственного света, и чувственный цвет, как показывает радуга, есть только ограничение или определение чувственного света. И, таким образом, *чувственный свет есть принцип бытия и познания чувственно-видимого*. Так же заключаем мы и о существовании *принципа бытия* и принципа познания (<principium essendi... et principium cognoscendi>).

Фердинанд. Ясное доказательство и удобное. Ибо так же точно обстоит дело и с чувственным слышанием. В самом деле, звук есть принцип бытия слышимого и его познания. Следовательно, Бог, если Его обозначить через Неиное, есть для всего принцип бытия и познания. Если кто-либо устраняет его, ничего не остается ни в вещи, ни в познании. Как с устранением света радуга или [вообще] видимое перестает и существовать, и познаваться, и с удалением звука не существует ни слышимого, ни слышания, — точно так и с удалением Неиного ничто не существует, не познается. Что это для меня так обстоит, я утверждаю с полнейшей достоверностью.

Николай. Несомненно, хорошо утверждаешь. Прошу тебя, однако, обратить внимание на следующее. Ты видишь нечто, — пусть это будет какой-нибудь камень, — только посредством света, хотя ты и не отдаешь себе в этом отчета; и также, когда ты что-нибудь слышишь, ты слышишь его только посредством звука, хотя бы ты и не замечал его. Итак, прежде всего (<prioriter>) предстает пред тобой принцип бытия и познания, так что без него тщетно стремился бы ты к видению и к слышанию. Впрочем, стремясь к иному, что ты хочешь увидеть или услышать, ты устремляешься мыслью [только] на самый принцип, хотя он-то и есть начало, середина и конец искомого. Таким же точно образом посмотри и на Неиное. Ибо, поскольку все существующее есть не что иное, как оно само, постольку оно во всяком случае не получает этого со стороны. Оно существует, следовательно, от того, что не есть иное. Итак, то, что существует, не существует и не познается в своем существовании иначе, как при помощи Неиного, которое, разумеется, есть его причина, т. е. адекватнейшее основание или определение. Оно предстает прежде всего (<prioriter>), так как оно есть начало, середина и конец искомого умом, но оно совершенно не рассматривается одинаковым образом, поскольку все, что ищется, ищется в качестве *иного*. Ведь собственно, [тут] не ищется принцип, который всегда *предшествует* искомому и без которого искомое меньше всего может искаться. Всякий же ищущий старается прикоснуться к принципу, если бы это, как говорит <апостол> Павел, было возможно. А так как этого не может произойти (подобно тому, как и ищущий его раньше иного пребывает в себе, сам будучи иным), то, без сомнения, он ищет его в *ином*, как в видимом он стремится увидеть свет, в себе невидимый для человеческого взора (ибо выражается он [только] в чистоте солнечного света). Ибо не надо домогаться света, который постигает самого себя и непостижим другим способом. Но надлежало бы света искать светом. Следовательно, свет улавливается в видимом, где он и постигается, чтобы только таким образом являться [вообще] ощутительно.

IV. Неиное предшествует единому, сущему и благому.

Фердинанд. Ты убедил надолго остановиться на Неином. Поэтому я совсем не буду спешить уйти от твоих больших обещаний. Скажи же: **ЧТО ТЫ ПОНИМАЕШЬ ПОД НЕИНЫМ?**

Николай. То, что я разумею о нем, не может быть иным образом выражено другими словами. Ибо все после этого будет лишь иным его истолкованием и, конечно, меньше его. Каким образом, в самом деле, может быть иначе выражено то, что ум пытается увидеть посредством Неиного, раз оно предшествует всему, что может быть высказано или помыслено. Все богословы видели, что Бог превыше всего, что может быть постигнуто; и поэтому они утверждали о Нем, что Он сверхсубстанциален, выше всякого имени и пр. И они не выражали нам в Боге одно через «сверх», другое через «без», и третье через «внутри», или через «нет» и через «прежде». Ибо

одно и то же: Он субстанция сверхсубстанциальная, субстанция без субстанции, субстанция внутрисубстанциальная, субстанция несубстанциальная и субстанция до субстанции. Но как бы ты ни называл, раз то самое, что ты называешь, есть не что иное, как оно же самое, то, следовательно, *Неиное есть бытие более простое и более первое и несказуемо и невыразимо средствами иного.*

Фердинанд. Не хочешь ли ты сказать, что Неиное есть утверждение или отрицание или что-нибудь в этом роде.

Николай. Совсем нет, но оно прежде всего такого, и это его я нашел после многих лет при помощи совпадения противоположностей, как показывают это многие книги, написанные мною об этом созерцании.

Фердинанд. Но полагает ли Неиное [вообще] что-нибудь или оно уничтожает что-нибудь <?>

Николай. Оно усматривается прежде всякого положения и отрицания.

Фердинанд. Оно, следовательно, не есть ни субстанция, ни сущее, ни единое, ни что-либо другое.

Николай. Я, по крайней мере, усматриваю так.

Фердинанд. Следовательно, ни не-сущее, ни ничто.

Николай. Во всяком случае, и это так мне представляется.

Фердинанд. Я следую за тобой, Отец, насколько могу. И наиболее достоверным кажется мне, что Неиное не постигается ни утверждением, ни отрицанием, ни другим каким-либо образом; но, кажется, оно необыкновенным образом приближается к вечному.

Николай. Устойчивое, прочное, вечное кажутся весьма причастными Неиному, тогда как инаковость (*alteritas*) или изменение совершенно не могли бы быть восприняты им. Однако, раз вечное есть не что иное, как вечное, поэтому оно, конечно, будет иным в отношении к Неиному. И поэтому я усматриваю, что оно прежде вечного и прежде веков существует превыше всякого постижения.

Фердинанд. Так необходимо, без сомнения, говорить всякому, усматривающему это с тобою, ибо оно, предшествуя, простирается на все, что может быть высказано. С своей стороны, я, поистине, удивляюсь, каким образом сущее, и истинное, и благое существуют после него.

Николай. Хотя единое и кажется весьма близким к Неиному, так как всё высказывается либо как единое, либо как иное (так что единое является как бы не-иным), тем не менее, однако, единое, поскольку оно есть не что иное, как единое, есть иное в отношении к Неиному. Следовательно, Неиное проще единого, потому что оно от Неиного имеет то, что оно единое, а не наоборот. Ибо те из богословов, которые принимали вместо Неиного единое, рассматривали само единое прежде противоположения, как это читается в «Пармениде» Платона и у Дионисия Ареопагита. Однако, поскольку единое отлично от не-единого, оно совершенно не приводит к первому началу всего, которое не может быть иным ни по отношению к другому, ни по отношению к ничто. Оно, равным образом, ничему не противоположно, как ты увидишь ниже. Точно так же рассуждай и о сущем. Ибо, хотя и кажется ясным, что

в нем просвечивает Неинное (так как оно меньше всего усматривается как отличное от чего-нибудь существующего), однако Неинное предшествует ему. Также [нужно сказать] и об *истинном*, которое, конечно, подобным же образом не отрицается ни о каком сущем, и о *благом*, потому что нет ничего, что не было бы причастно ему. Ввиду этого, все они берутся как откровенные Имена Божии, хотя они и не достигают точности. Однако, собственно, не утверждается, что они существуют *после* Неинного, — потому что, если бы они были *после* Неинного, каким образом что-нибудь из этого было бы не чем иным, как [именно] тем, что оно есть. Таким образом Неинное оказывается прежде этого и другого, что существует не *после* него, но *через* него. Следовательно, ты правильно удивился о том, чему предшествует Неинное, если оно существует после него, и о том также, каким образом это [вообще] возможно.

Фердинанд. Если правильно понимаю тебя, то Неинное усматривается, таким образом, раньше всего, потому, что оно не может не присутствовать во всем том, что оказывается после него, хотя бы оно было даже противоречиво.

Николай. Во всяком случае, поистине, я понимаю таким образом.

V. Неинное, определяя всё, дает ему бытие, а определяя себя, дает триединство.

Фердинанд. Прошу тебя, Отец, позволь мне говорить о том, что я, действительно, усматриваю, приведенный таким образом к Неинному, дабы ты, если почувствуешь, что я заблуждаюсь, исправил меня в твоём духе.

Николай. Говори, Фердинанд.

Фердинанд. Неинное, усматриваемое мною, отдельно прежде всего иного, я вижу так, что вместе с тем усматриваю возможность видения в нем любого, ибо вне его ничто не может ни быть, ни познаваться, и ни в бытии, ни в познании иное не может избежать его. Ибо я не могу даже представить себе, что вне Неинного что-либо могло быть или пониматься. И это до того — так, что если бы даже самое ничто и свое незнание попытался я увидеть без Неинного, я тщетно и бесполезно пытался бы увидеть это. Ибо каким образом ничто усматривается как ничто, если не через Неинное, так как ничто есть [опять-таки] *не что иное*, как ничто. Равным образом о незнании и обо всем прочем. Ибо все, что есть, постольку есть, поскольку есть Неинное; и все, что мыслится, мыслится постольку, поскольку мыслится, это — есть Неинное; и все, что видится как истинное, до тех пор видится как истинное, пока познается Неинное. И вообще все, что видится как иное, видится постольку как иное, поскольку видится Неинное. Как ничто не пребывает и ничто не познается, если будет отброшено Неинное, так в нем все и существует, и познается, и созерцается. Действительно, самое Неинное есть адекватнейшее основание, различение и мера всего, что существует, как оно существует, и всего, что не существует, как оно не существует, и всего возможного как возможного; и всего существующего, так-то, как так-то существующего, и всего движущегося, как оно движется, и всего покоящегося как покоящегося,